

ГЛАВА II.

Селевіе Ануты. Граница. Обмѣнъ произведеній. Ржавинцы. Сцена изъ дѣтскаго быта. Замѣчательная мѣстность. Народный музей. Перебійковцы. Пограничные нравы. Лѣса. Рухотинъ. Столѣтній старикъ. Древнее укрѣпленіе. Побережье до Хотина.

При впаденіи въ наши предѣлы Днѣстръ представляется весьма неважной рѣчонкой, хотя быстрота, появленіе плотовъ и наводненія во время таянія снѣговъ въ Карпатахъ изобличаютъ въ немъ болѣе важную породу. Вырѣзываясь змѣей изъ Австріи, онъ касается правымъ берегомъ пограничной деревни нашей, Ануть, пропущенной по картѣ Бессарабіи, изданной областнымъ землемѣромъ Эйтнеромъ. Деревенька эта, составлявшая нѣкогда цѣлое съ селомъ того же названія, принадлежащимъ Австріи, состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ хатъ, обитаемыхъ руснаками, и съ одной стороны лѣпится по берегу Днѣстра, а съ другой потянулась въ яру, надъ ручьемъ, отдѣляющимъ Бессарабію отъ Буковины. Пограничный нашъ кордонъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ австрійскаго, и, чѣмъ далѣе идешь вверхъ, тѣмъ уже становится ручеекъ, такъ что по выходѣ изъ деревни его можно перешагнуть безъ всякаго затрудненія. Домашнія животныя непрерывно нарушаютъ таможенный уставъ, служа иногда поводомъ къ серьезнымъ хлопотамъ своихъ хозяевъ, которые, имѣя надобность преслѣдовать какую нибудь непокорную овцу въ предѣлахъ чужаго государства, могутъ подвергаться большой отвѣтственности. Гуси и утки непрерывно полощутся у иностраннаго берега. Но не одни домашнія животныя преступаютъ правила: жители Ануть какъ бессарабскихъ, такъ и австрійскихъ, не довольствуясь разговоромъ черезъ нейтральный ручеекъ, переходятъ нерѣдко заповѣдную черту, и преимущественно наши любятъ посѣщать австрійскій кабачекъ, въ которомъ водка и несравненно лучше, и гораздо де-

шевле. Хотя г. Кокоревъ, такъ горячо любящій родину, ввелъ особенную откупную систему въ Бессарабіи и, желая облагодѣтельствовать народъ, значительно понизилъ цѣну на питья, однако, правду сказать, австрійскіе патріоты дѣйствуютъ какъ-то усерднѣе и продаютъ водку отличной крѣпости и очень дешево. Зато, если бессарабскаго руснака соблазняетъ заграничный кабачекъ, австрійскій руснакъ имѣетъ своего рода приманку въ Бессарабіи — дешевый туземный табакъ, который, какъ извѣстно, въ Австріи составляетъ казенную монополію. Впрочемъ, и кромѣ этихъ двухъ причинъ жители Авуть, той и другой половины, переходятъ тайкомъ границу, потому что связаны обширнымъ родствомъ, и, напримѣръ, двоюродные братья и сестры не станутъ же хлопотать о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ для того, чтобы повидаться, живя въ одномъ селеніи. Подъ вечеръ тутъ же, у кордона, происходятъ разговоры черезъ ручей, и какъ въ таможенныхъ постановленіяхъ не запрещено разговаривать съ иностранцами, стоящими на землѣ другаго государства, то и русскій стражникъ, и австрійскій егеръ проходятъ молча мимо бесѣдующихъ, а иногда и сами переговариваются о собственныхъ интересахъ. Положимъ, у послѣднихъ не предполагается кровнаго родства; но и стражникъ, и егеръ оба любятъ выпить, оба не прочь покурить трубочку, и тому и другому стоитъ только протянуть руку для обмѣна необходимыхъ продуктовъ, почти не нарушая буквы закона, т. е. едва переступая пограничную черту.

Разъ какъ-то, въ сумерки, отправился я въ садикъ, окружавшій квартиру, и дошелъ до заповѣднаго ручья. Облокотясь на плетень, стоялъ нашъ руснакъ и курилъ трубку. Синій дымокъ, разносясь по воздуху, улеталъ на австрійскую сторону. На томъ берегу дюжій буковинецъ съ разстегнутымъ воротомъ, изъ-подъ котораго виднѣлись загорѣлыя грудь и шея, сидѣлъ на свалившемся деревѣ и забавлялъ на колѣняхъ ребенка. Два эти индивидуума вели разговоръ о всеобщей дороговизнѣ, окончивъ, повидимому, какой-то торгъ, условливались о магарычѣ.

— Нѣтъ, братко, сказалъ буковинецъ, разумѣется, по руснацки: — не соглашусь, пока не дашь мнѣ два ока (6 ф.) табака.

— Изволь, пусть будетъ по твоему, только уже и ты дай въ придачу око (штофъ) горѣлки.

— Развѣ съ тѣмъ, что разопьемъ вмѣстѣ. А дай-ка мнѣ потянуть трубки.

Бессарабець перелѣзъ черезъ плетень и протянулъ руку съ трубкой; буковинець, придерживая ребенка, сталъ на свалившееся дерево, взялъ трубку и, качаясь на балансѣ, предавался наслажденію.

— Чортъ знаетъ, какой хорошій табакъ! сказалъ онъ: — а, смотри, хотинскіе жидки доставляютъ намъ иногда такую дрянъ, что въ ротъ взять нельзя.

— Жидки собачьи дѣти! да и законъ у васъ хорошъ, когда доброму человѣку нельзя потянуть трубки, не заплативши пошлины.

— Ну, любезный, вы хоть и курите, сколько душѣ угодно. зато и пьете мерзкую и дорогую водку. Вѣдь есть люди, которые трубки въ ротъ не берутъ, а скажи мнѣ: развѣ есть человѣкъ, который отказался бы выпить?

Бессарабець задумался.

— Признаться, сколько живу на свѣтѣ, не случилось видѣть; былъ, правда, Павло, что не пилъ три года, такъ зато послѣ все равно умеръ отъ горѣлки.

— Да не можешь ли ты мнѣ дать хоть листокъ табака въ задатокъ?

— Почему нѣтъ, только вынеси литру (косушку).

— Экой чортъ!

— Небось, онъ хочетъ даромъ.

— Приходи же съ первыми пѣтухами.

Я ушелъ — изъ боязни быть замѣченнымъ и не желая прервать интимнаго разговора.

Вообще жизнь обѣихъ половинъ селенія, повидимому, такъ сильно разрозненная, имѣетъ много общихъ интересовъ, и если въ силу постановленій опредѣляется строгое наказаніе тому, кто перейдетъ границу, несмотря ни на какой поводъ, то жители Ануть умѣютъ обмануть бдительность закона и преспокойно ведутъ и дружбу, и торговлю съ заграничными собратами. Мы видимъ, что просвѣщенные государства не всегда слѣдуютъ указаніямъ науки; мы видимъ, что протекціонизмъ, такъ мало оказывающій вліянія на развитіе промышленности и стѣсняющій массу потребителей, пробилъ себѣ глубокія колеи на почвѣ многихъ территорій и смотритъ недоброжелательно на свободную торговлю, какъ нѣкоторые почтенные люди враждебно смотрятъ на просвѣщеніе. Если защитники стараго порядка вещей не хотятъ понять, что со значительнымъ пониженіемъ тарифа обмѣнъ капиталовъ начнетъ совершаться значительно быстрее, нежели при высокихъ

пошлинахъ, что чувство самосохраненія заставитъ фабрикантовъ употреблять всѣ усилія на соперничество съ иностранными фабрикантами какъ въ дешевизнѣ, такъ и въ совершенствѣ издѣлій, — то можно ли, чтобъ необразованный крестьянинъ въ состоянii былъ понять смыслъ таможенныхъ постановленій? При повсемѣстномъ незнанii у насъ законовъ крестьянинъ видитъ во всемъ лишь произволь ближайшаго чиновника, и если, конечно, онъ неправъ юридически, то большинство фактовъ оправдываетъ темнаго человѣка, который не можетъ не видѣть злоупотребленій, совершающихся въ разныхъ сферахъ управленія. Не читая басень Крылова, простолудинъ нашъ превосходно знаетъ смыслъ стиха:

„Что вору сходить съ рукъ, за то ворешекъ бьютъ“,

а пограничный житель въ особенности видитъ приложеніе этой поговорки. Нѣтъ сомнѣнiя, что между таможенными бывають весьма добросовѣстные люди, исполняющіе свою обязанность и платящіе кровью за исполненіе своего долга, — но кому неизвѣстно, что изъ выгодъ потворствуютъ продѣлкамъ контрабандистовъ. Было, правда, время, когда, высказывая подобную мысль, человѣкъ рисковалъ быть обвиненнымъ не только въ нелюбви къ отечеству, но даже и въ злоумышленіи, да и недавно еще одна газета давала мѣсто статьямъ господъ, отстаивающихъ право наживаться на счетъ казны; но печальное время миновало, а газета пользуется заслуженной извѣстностью въ общественномъ мнѣнii. Обращаемся снова къ пограничному крестьянину, положимъ, собственно къ живущему по границѣ Буковины. Единственный рынокъ, гдѣ можетъ онъ заpastись всѣмъ необходимымъ — Хотинъ, въ пятидесяти слишкомъ верстахъ, — разстояніе не весьма легкое для переѣзда какъ на волахъ, такъ и на клячахъ, именуемыхъ лошадьми изъ снисхожденія. Разумѣется, въ Хотинѣ можно купить многія вещи довольно дешево; однако же пограничный руснакъ очень хорошо знаетъ, что дешевизна эта случайная и зависитъ болѣе или менѣе отъ произвола торговца. Ему извѣстно и то, что русскихъ издѣлій невозможно купить дешево, во первыхъ, потому, что они дороже иностранныхъ, а, во вторыхъ, требуютъ большой платы за провозъ изъ Москвы, и оттого онъ не стѣсняется покупать все необходимое за нѣсколько сотъ шаговъ, за чертою, оберегаемою съ одной стороны нашими таможенными, а съ другой австрійскими егерями. Онъ разсуждаетъ, по его мнѣнii, на основанii неотра-

зимой логики: «московскій ситець, линючій и гвиловатый, примѣрно, стоитъ 15 к. за аршинъ, а нѣмецкій — крѣпкій и хорошій, 13; за первымъ надо ѣхать въ Хотинъ и платить наличныя деньги, второй подъ рукою и нерѣдко въ кредитъ — охота ли же мнѣ дѣлать сто лишнихъ верстъ, мучить себя и скотину для того, чтобы купить дороже вещь, которая никуда негодится!» Крестьянинъ не понимаетъ, что, переплачивая лишнее и теряя дня два на поѣздки, онъ способствуетъ благоденствію и развитію отечественныхъ фабрикъ, а смотритъ со своей узкой точки зрѣнія. Какія нибудь ножницы, необходимыя въ самомъ бѣднѣйшемъ быту, тульскія стоятъ въ Хотинѣ вдвое дороже, чѣмъ австрійскія на границѣ, и съ тою разницею, что первыя недѣли черезъ двѣ приходятъ въ совершенную негодность, а заграничныя служатъ годъ и болѣе. Разумѣется, я привелъ, можетъ быть, двадцатую долю примѣровъ, случающихся въ обыденней жизни крестьянина, но сумма всѣхъ его покупокъ составитъ значительную цифру, а слѣдовательно и значительную разницу, если онъ будетъ пріобрѣтать необходимое на отечественномъ рынкѣ или помощью контрабанды. Крестьянинъ, во первыхъ, очень хорошо знаетъ пріемы самихъ стражниковъ, во вторыхъ, и то обстоятельство, что, покупая вещь для собственнаго употребленія, а не для продажи, онъ рискуетъ немногимъ, еслибы даже не имѣлъ въ виду дружелюбной сдѣлки съ кѣмъ слѣдуетъ. Наконецъ такого граничара, какъ житель Ануты, и поймать нѣтъ никакой возможности, потому что запрещенный предметъ можетъ быть перекинуть черезъ плетень или просто переданъ изъ рукъ въ руки на окраинѣ огорода. Поэтому пограничный людъ на таможенныя постановленія смотритъ по своему и, не углубляясь въ ихъ цѣль и смыслъ, старается употреблять хитрость, сберегая лишнюю копѣйку; относительно же запрещенія переходить границу для свиданія съ родными и пріятелями знаетъ только, что за это наказываютъ, но тѣмъ не менѣе украдкой переступаетъ заповѣдную черту побалагурить или выпить литру хорошей водки. Если вы обжились въ пограничныхъ селеніяхъ и народъ не видитъ въ васъ чиновника, то изъ разговоровъ вы легко можете узнать всѣ новости и даже сплетни ближайшихъ австрійскихъ деревень и мѣстечекъ.

Ануты частью только лежатъ по берегу Днѣстра, и то господская усадьба и нѣсколько хатъ, остальные же раскиданы вдоль ручья, составляющаго границу, и по каменистому

оврагу. Сперва ручей этотъ похожъ на ручей, такъ что и воды въ немъ по колѣни, и ширины аршина два будетъ, но, чѣмъ выше, тѣмъ онъ мельче, и уже наконецъ къ селенію Баламутамъ онъ едва журчитъ по камешкамъ и представляетъ влажную полоску, которая однако-жъ во время дождей бурлитъ настоящимъ горнымъ потокомъ. За ручьемъ въ австрійской Буковинѣ торчатъ кое-гдѣ избы, и виднѣются узкія шоссе въ разныхъ направленіяхъ. Дальше за Баламутами, на живописной полугорѣ, между буковыми лѣсами лежитъ большое село Ржавинцы, которое хотя и удалено верстъ на пять отъ Днѣстра, однако гдѣ я проживалъ нѣсколько разъ — собственно изъ-за болѣе удобнаго помѣщенія. Въ Анутахъ буквально нѣтъ хаты, въ которой можно бы поселиться и работать, если исключить домикъ эконома. Но, взявъ себѣ за правило изучать народный бытъ не по рассказамъ, всегда почти невѣрнымъ, а среди народа, я всегда жилъ у крестьянъ, стараясь выбрать хату съ двумя половинами, потому что еслибы не имѣлъ и этого удобства, то не знаю, какъ можно было бы въ теченіи пяти лѣтъ существовать и заниматься дѣломъ. Но, во всякомъ случаѣ, я тотчасъ же дружился съ хозяевами и весь день проводилъ то съ ними, то съ ихъ знакомыми, то искалъ знакомства на сторонѣ, иногда за нѣсколько верстъ, и только вечеромъ возвращался въ свою келью приводить въ порядокъ разнообразныя свѣдѣнія.

Ржавинцы памяты для меня тѣмъ, что въ числѣ ихъ владѣльцевъ я встрѣтилъ тамъ образованное семейство г. Добровольскаго — бессарабскаго и австрійскаго помѣщика. Тутъ же за границей у него есть имѣніе, отлично устроенное, съ превосходнымъ домомъ, но онъ предпочитаетъ жить въ Бессарабіи, хотя и ежедневно ѣздитъ хозяйничать въ Австрію. Въ такомъ глухомъ уголкѣ для меня чрезвычайно было пріятно найти и радушіе, и свѣжія иностранныя газеты, и отличный обѣдъ въ шесть часовъ, и очаровательныя прогулки, и, наконецъ, образованную бесѣду. Въ семействѣ этомъ я проводилъ вечера; и если, бывало, за день устанешь за работой, — я постоянно писалъ въ своей хатѣ, — то подъ вечеръ отдыхалъ душою у гостепріимнаго помѣщика. Хорошенькая гостиная, по мѣстному обычаю уставленная свѣжими буковыми вѣтвями для прохлады, варенье и вода на столѣ по молдавански, новѣйшіе №№ газеты, полученные изъ Австріи, — и время послѣ обѣда летитъ неслышно. Замѣчательно, что дѣвицы, несмотря на щегольской лѣтній костюмъ, постоянно были въ руснац-

кихъ сорочкахъ съ красивыми вышивками на плечахъ и рукавахъ. И какъ этотъ уборъ идетъ молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ!

У хозяина моего былъ порядочный садъ, состоявшій преимущественно изъ сливныхъ и грушевыхъ деревьевъ, который доставлялъ ему порядочный доходъ отъ продажи фруктовъ, скупаемыхъ мѣстными евреями. Однажды, утромъ, соскучась переписывать клочки замѣтокъ, лежалъ я подъ развѣсистой грушей и читалъ новую нѣмецкую газету. День былъ жаркій, погодный, въ деревнѣ необыкновенная тишь, потому что народъ ушелъ на праздникъ куда-то въ окрестности. Долго читалъ я, потѣшаясь австрійской политикой, которая отличалась всегда особеннымъ своеобразіемъ, и собирался уже идти въ хату заняться своимъ дѣломъ, какъ шорохъ и говоръ въ кустахъ привлекли мое вниманіе. Первая мысль была — не собрался ли кто полакомиться хозяйскими сливами — чему, конечно, обязанъ я былъ воспрепятствовать, и уже собирался громкимъ кашлемъ заявить о своемъ присутствіи; но до слуха моего долетѣли слова, смыслъ которыхъ ясно показалъ мнѣ, что собесѣдники зашли въ садъ не съ цѣлью похищенія чужой собственности. Подсматривать и подслушивать — дѣло неблагородное, это правда, но при изученіи народнаго характера, нравовъ и обычаевъ подобное неблагородство совершается сплошь и рядомъ, и потому я тихонько направился на говоръ и усѣлся такимъ образомъ, что сквозь рѣдкія вѣтви мнѣ были видны собесѣдники. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, вблизи небольшого пчельника, сидѣли на травѣ дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и мальчикъ старѣе не болѣе какъ годомъ. Дѣвочка была почти дурнушка, рыжеватая, курносенькая, хотя фізіономія ея выказывала и умъ, и рѣзвость, а отчасти и кокетство. Въ костюмѣ ея замѣчалась заботливость: одѣлась она во все новое, головку причесала старательно и убралась свѣжими лѣсными цвѣтами. Зато мальчикъ, сидѣвшій прямо подъ лучами солнца, могъ служить моделью для ваятеля: давно я не видѣлъ такого красиваго личика, ни пропорціональных членовъ, ни такой граціозной позы. Онъ былъ почти въ лохмотьяхъ, а между тѣмъ не одинъ аристократъ его возраста позавидовалъ бы его счастливой наружности. Особенно красивы были его длинные свѣтлорусые волосы, которые вились по плечамъ и живописно волновались каждый разъ, когда мальчикъ дѣлалъ движеніе. Разговоръ этихъ дѣтей началъ занимать меня, и я постарался не проронить ни одного слова.

Дѣвочка сидѣла подѣ кустомъ, безпрестанно поправляя вышитый подолъ рубашки, а мальчикъ наложилъ трубку, добылъ огня и улегся такимъ образомъ, чтобы тѣнь дѣвочки могла защитить его голову отъ палящихъ лучей солнца.

— Ну, такъ какъ же ты оправдаешься? спросилъ онъ очень серьезно, придавливая ногтемъ большаго пальца табакъ, вылѣзавшій изъ трубки.

— А что-жъ мнѣ оправдываться: я сказала тебѣ все.

— И, ты думаешь, я повѣрю?

— Коли не вѣришь — твоя добрая воля.

— Зачѣмъ же ты съ нимъ ходила? А?

— Почему же мнѣ съ нимъ и не пойти?

— Но зачѣмъ ты его цѣловала?

— Его? цѣловала?

И дѣвочка сдѣлала такую интересную гримасу, что некрасивое лицо ея похорошѣло. Русначекъ произнесъ цвѣтистое, но непередаваемое выраженіе.

— А если цѣловала?

— Ты видѣлъ, что-ль?

— Я не видѣлъ, но онъ самъ мнѣ сказывалъ.

— Вретъ онъ, негодяй! произнесла дѣвочка, покраснѣвъ, и разразилась уже такимъ выраженіемъ, какого не услышите и на Сѣнной въ десять часовъ вечера.

— Зачѣмъ же ему врать?

— А затѣмъ, чтобы побѣсить такихъ дураковъ, какъ ты. Вотъ что!

— Ну, ужъ ты не рассказывай, а я давно замѣчаю, какъ ты финтишь передъ парнями. Смотри у меня: какъ только узнаю — отколочу не на животъ, а на смерть.

Дѣвочка на минуту присмирѣла, но въ глазахъ блеснули слезы. Я думалъ — вотъ расплечется. Но она выпрямилась и приняла гордую позу.

— Ты знаешь, я любила тебя и обѣщалась выйти за тебя замужъ, хоть ты голь, а я богата; я переносила всѣ твои придирки, потому что иной разъ была виновата... А теперь ты взводишь на меня напраслину и еще грозить бить. Не бывать этому, не пойду за тебя замужъ!

— Мнѣ все равно, я найду невѣсту красивѣе тебя.

Дѣвочка надула губки.

— Найду же и я себѣ молодца.

— Ты уже, кажется, и нашла.

— Ну, да, нашла, отвяжись, пожалуйста, сказала рус-

начка, а у самой слезы готовы были брызнуть. — Нашла, повторила она: — и ужъ, повѣрь, не пойду больше гулять съ тобою. Ты знаешь лучшихъ, пригожихъ...

— А ты развѣ не попрекала меня бѣдностью? спросилъ мальчикъ, раскуривая потухшую трубку.

Дѣвочка окончательно заплакала. Плутоватое личико подернулось грустью, но она плакала такъ изящно, если можно выразиться подобнымъ образомъ, что слезы придавали ей какую-то особенную прелесть. На мальчика это подѣйствовало.

— Ну, чего разревѣлась? спросилъ онъ уже не тѣмъ спокойнымъ голосомъ, какъ говорилъ минуту назадъ: — вольному воля! Любишь другаго — и цѣлуйся съ нимъ; но, коли меня любишь, не смѣй ни съ кѣмъ любезничать, а то отколочу и тебя, и его. Вотъ и все!

— Я ни съ кѣмъ не цѣловалась.

— То-то же! А въ другой разъ попрекнешь бѣдностью...

— Ей Богу, не буду.

— Такъ бы и давно. Эхъ, чортъ побери, денегъ нѣтъ: купилъ бы литру горѣлки.

— Не хочу я горѣлки.

Въ это время мальчикъ всталъ и началъ искать своего огнива. Быстрый взоръ его, неожиданно проникнувъ сквозь кустарникъ, примѣтилъ мое присутствіе. Я успѣлъ однако же закрыть глаза и притворился спящимъ. Собесѣдники пошептались и разошлись въ разныя стороны.

Долго я еще лежалъ подъ тѣнью, и у меня не выходила изъ головы подмѣченная сцена изъ дѣтскаго быта. Тотчасъ же я пошелъ по деревнѣ, началъ внимательно слѣдить за дѣтьми и до вечера сдѣлалъ много наблюдений; но напрасно между разнородными группами искалъ чегонибудь подобнаго видѣнному подъ кустарникомъ. И мальчики, и дѣвочки пѣли мнѣ пѣсни и играли въ разныя игры, — особенно подстрекаемые лакомствами, которыя обыкновенно возилъ я съ собою для скорѣйшаго знакомства, — но это были просто дѣти, и добрыя, и злыя, и глупыя, и умныя, только неудовлетворившія моего любопытства. Подъ вечеръ, когда я шелъ обѣдать къ помѣщику, — а жилъ я не менѣе версты отъ господской усадьбы, — мнѣ снова попались на полдорогѣ, возлѣ, не большаго оврага, знакомые собесѣдники. Рискаю опоздать къ обѣду, я остановился, свернулъ папироску, закурилъ и присѣлъ на пень сухаго дерева. Дѣти, было, испугались, но я ихъ ободрилъ, удержалъ и обѣщалъ пряниковъ и орѣховъ. Когда

общество успокоилось, я началъ заводить шуточный разговоръ — кто на комъ женится, кто за кого выходитъ замужъ. Иныя дѣвочки краснѣли, мальчики смѣялись и переглядывались. Знакомая мнѣ чета была покойнѣе другихъ, и сперва одинъ русначекъ, а потомъ и прочія дѣти, указывая мнѣ на нее, сказали, что это женихъ и *женшика*. Потомъ еще нашлась одна пара. Но это не удивило меня. И въ образованномъ сословіи, и у крестьянъ дѣти строятъ планы относительно будущаго, не справляясь съ расчетами родителей. Меня поразила преждевременная развитость дѣвочки и мальчика, которые рассуждали такъ, что еслибы я ихъ не видѣлъ, то счелъ бы взрослыми. Обративъ потомъ особенное вниманіе на дѣтей, ихъ занятія, игры, участіе въ деревенскихъ забавахъ, я нигдѣ уже не встрѣчалъ такой интересной пары, какъ описанная, и потому не занесу въ свои замѣтки, что »де у руснацкихъ дѣтей нравственность испорчена въ высшей степени«. Я нарочно разговаривалъ отдѣльно съ интересными для меня мальчикомъ и дѣвочкой и видѣлъ ясно, что натуры эти при другой обстановкѣ могли бы выйти замѣчательными личностями. Между сверстниками они пользовались чѣмъ-то вродѣ уваженія; отвѣты ихъ были быстры, иногда остроумны. Меня очень занимала сцена въ хозяйскомъ саду, и мнѣ хотѣлось подробнѣе узнать повѣсть влюбленныхъ, особенно эпизодъ ревности. Оказалось, что дѣвочка покетничала немного съ богатымъ сосѣдомъ безъ всякой запасной мысли, а просто отъ нечего дѣлать, отыскивая вмѣстѣ забѣжавшихъ телятъ.

Вообще этотъ уголокъ весьма интересенъ. А лѣтніе вечера съ ихъ прозрачнымъ теплымъ воздухомъ гдѣнибудь на опушкѣ пограничнаго лѣса, выходящаго на живописныя поляны, откуда виднѣются и деревни австрійской Буковины, и далеко за Днѣстромъ полосатыя нивы Галиціи, вечера съ ихъ однообразной, но вдохновляющей сельской обстановкой — полны такой прелести, такъ успокоительно дѣйствуютъ на душу, что невольно отряхаешь всѣ житейскія дрязги и заботы и предаешься безотчетному наслажденію. Дальше по границѣ къ Пруту и надъ этой рѣкой, на рубежѣ Молдавіи, мѣстности чрезвычайно живописны и не повторяются нигдѣ больше въ Бессарабіи.

Но пора возвращаться къ Днѣстру. Первое селеніе отъ Агуть Перебійковцы, Перебыковцы или официально *Перебыкауцы*. Я уже говорилъ въ первой статьѣ объ этихъ омолода-

ваненныхъ названіяхъ. Перебійковцы замѣчательны тѣмъ, что лежатъ почти на островѣ—такъ страшно извивается здѣсь Днѣстръ, лѣвый берегъ котораго начинается отсюда постепенно возвышаться. Туда ведутъ изъ Ануть двѣ дороги, одна лѣсомъ, по горѣ, развѣтвляясь на нѣсколько боковыхъ, а другая кордонная, по берегу Днѣстра, подъ нависшими скалами. И первая, и вторая значительно удаляются отъ прямого направленія. Но лѣсная уже утратила въ послѣднее время свою прелесть: на большое пространство лѣсъ вырубленъ, и во кругъ раздается стукъ топоровъ, валящихъ вѣковые буки, дубы, клены, яворы. Помѣщики продали свои лѣса на срубъ евреямъ по весьма дешевой цѣнѣ, и скоро на этой мѣстности проѣзжій увидитъ одни голые пни, да кучи гніющихъ щепокъ. Послѣднее время я уже отправлялся по кордонной дорогѣ, весьма узкой, каменистой, но представляющей больше разнообразія. Какъ-то мѣстный генераль-губернаторъ вздумалъ проѣхать по границѣ, и дорога эта была кое-какъ исправлена.

Минуя первый кордонъ отъ Ануть и слѣдуя крутому изгибу Днѣстра, верстахъ въ двухъ, скалы нѣсколько удаляются отъ берега, и образуется довольно широкое мѣсто, поросшее красивыми деревьями и искрещенное въ разныхъ мѣстахъ дорожками. Здѣсь складываются сажени дровъ, которыя спускаютъ съ горъ и развозятъ съ помощью рабочихъ животныхъ. Дикія плодовые деревья, букъ, калина, орѣшникъ и широколистые клены достигли большихъ размѣровъ. Нѣсколько ущелій ведутъ отсюда въ глубину дебри. Въ одномъ изъ нихъ, направленномъ наперерѣзъ дорогѣ, пролегающей лѣсомъ, почти противъ хаты, гдѣ помѣщаются еврей-приказчики, — есть одно замѣчательное мѣсто. Между скалами, гдѣ, по преданію, жили разбойники, имена которыхъ не дошли до нашего времени, существуетъ и понынѣ глубокая яма въ видѣ колодезя. Что это не дѣло природы — доказываютъ правильно пробитыя стѣны, идущія по отвѣсу и сохраняющія почти квадратную форму. Говорятъ, что будто бы внизу тамъ были подземные ходы, что въ этихъ ходахъ скрыты сокровища. Положимъ, преданія эти подвержены сомнѣнію, какъ и повсемѣстные преданія, связанные съ подобными урочищами; положимъ, нѣтъ тамъ никакихъ сокровищъ, но во всякомъ случаѣ было бы интересно ближайшее знакомство съ этимъ подземельемъ, которое выбито въ скалѣ, конечно, съ какойнибудь цѣлью. Не было у меня времени, или, лучше

сказать, не имѣлъ я средствъ для этого розысканія; притомъ же на землѣ частныхъ владѣльцевъ не всегда и удобны такіе поиски; но какому нибудь ученому обществу не мѣшало бы порыться въ этомъ урочищѣ, въ уголкѣ, куда, смѣло можно сказать, не заѣзжалъ еще не только ученый, но ни одинъ путешественникъ. Кто знаетъ, какія находки могли бы быть результатомъ археологическихъ розысканій. Что это не колодезь — нѣтъ и разговору: вопервыхъ, подѣ бокомъ Днѣстръ — слѣдовательно въ водѣ не могло быть недостатка; во вторыхъ, пробивать колодезь въ каменной скалѣ не было надобности, когда можно было сдѣлать это въ болѣе мягкомъ грунтѣ; наконецъ закрытое мѣсто, куда проникаешь не только съ трудомъ, но и съ опасностью, цѣпляясь за вѣтви—все это служить доказательствомъ, что здѣсь или былъ ходъ, ведшій Богъ знаетъ куда или просто кладовая людей, имѣвшихъ необходимость скрываться въ таинственной трущобѣ. Не удовольствуясь прогулкой въ сопровожденіи кого нибудь изъ дровосѣковъ — мѣстныхъ крестьянъ, которые ничего не могли мнѣ сказать о пещерѣ — я упросилъ ржавинскаго помещика съѣздить со мной на эту замѣчательную мѣстность. Мы ѣздили, добирались до отверстія, но не рѣшались спуститься въ глубину, на томъ основаніи, что видно дно и незамѣтно никакого хода. Г. Добровольскій, впрочемъ, говорилъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ назадъ глубина была значительное и что какъ отъ осыпавшейся земли, такъ и отъ падавшихъ листьевъ, образовалось возвышеніе. Упоминаю о пещерѣ собственно на томъ основаніи, что, можетъ быть, проснется же у насъ когда нибудь жажда изслѣдованія роднаго края, и розыскатели наши, не ограничиваясь мѣстностями вблизи большихъ дорогъ, гдѣ удобнѣе проѣзжать въ покойныхъ экипажахъ, устремятся въ разныя захолустья. При этомъ удобномъ случаѣ считаю необходимымъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве. Слѣдуя строго своей программѣ изучать бытъ береговыхъ жителей, я однако же при малѣйшей возможности дѣлалъ поѣздки въ глубь края и проѣзжалъ и проходилъ его въ разныхъ направленіяхъ. Во время странствія изъ Могилева на Липканы для того, чтобы пробраться по Пруту въ уголокъ Буковины, я проѣзжалъ селеніе Коржевцы (оффиц. Коржеуцы). Тамъ живетъ образованный русскій помещикъ, у котораго при какой-то постройкѣ во время рытья подѣ фундаментомъ выкопали небольшую глиняную человѣческую фигурку. Находку эту можно отнести

къ языческой эпохѣ. Я совѣтовалъ г. К. отправить этого идола въ Петербургъ съ подробнымъ описаніемъ мѣста нахожденія, но не знаю, послѣдовалъ ли онъ моему совѣту. Въ настоящее время археологическіе поиски въ сѣверной Бессарабіи были бы какъ нельзя болѣе кстати, потому что исторія начала разбирать подробнѣе и внимательнѣе мѣста жительства древнихъ народовъ. Край этотъ еще не изслѣдованъ, а между тѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, что по всему Днѣстру, отъ Лимана до Хотина, жили предприимчивые генуэзцы, слѣды которыхъ и до сихъ поръ сохранились въ крѣпостяхъ Хотина, Сороки, Бендеръ и Аккермана. Говорятъ, мало средствъ для подобныхъ розысканій, и дѣйствительно не имѣется денегъ на археологическія раскопки; но причина ли это, чтобы, довольствуясь печальнымъ *statu quo*, не изыскивать способовъ для пользы науки и ожидать, чтобы сами средства свалились съ неба? Ученые наши общества бѣдны, какъ и слѣдуетъ быть въ краю, гдѣ образованіе коснулось высшаго и средняго классовъ, а десятки милліоновъ погружены еще въ невѣжество, гдѣ торговля идетъ самымъ неправильнымъ путемъ, промышленность развивается кое-какъ, и гдѣ еще недавно вся наука была и теперь значительная часть ея находится въ рукахъ иностранцевъ, т. е. нѣмцевъ по преимуществу. Положимъ, правительство не можетъ щедро пособлять этимъ обществамъ, собственные средства которыхъ не въ блистательномъ состояніи; но неужели же такъ и оставаться и кругъ ученой дѣятельности соразмѣрять съ бѣдными суммами, непозволяющими выходить изъ скромнаго бюджета? Развѣ нельзя открыть повсемѣстную подписку и учредить народный музей, открытый для всѣхъ приходящихъ, не обращающій вниманія ни на чины, ни на неприличные, т. е. простонародные, костюмы. Я твердо увѣренъ, что не въ продолжительномъ времени собралась бы большая сумма, по крайней мѣрѣ достаточная для археологическихъ розысканій, и вновь учрежденный музей пополнился бы рѣдкими экземплярами, изъ которыхъ не одному, можетъ быть, суждено было бы пролить свѣтъ на какую нибудь таинственную отдаленную эпоху. Конечно, многія изъ тѣхъ, кто бросаетъ тысячи на рысистые бѣга, кто проѣдаетъ большія суммы у Дюссо, кто проживаетъ нерѣдко огромное состояніе для того, чтобы доставить извѣстнымъ красавицамъ средства ходить въ шелку и кружевахъ и кататься по Невскому въ блестящихъ экипажахъ, не пожертвуютъ на народный музей ни копѣйки, но

на такихъ господъ смѣшно было бы и разсчитывать. Зато изъ всѣхъ мѣстъ высыпались бы скромные, трудовые рубли... Посмотрите—едва только объявляется подписка на какой нибудь памятникъ или на поддержаніе какого нибудь заграничнаго монастыря, община котораго хоть и отреклась отъ мірскихъ благъ, однако все же старается собрать лепту,—посмотрите, какія суммы собираются нечувствительно по одному объявленію въ одной — двухъ газетахъ. Для устройства народнаго музея можно употребить такія же мѣры. Пусть всѣ наши періодическія изданія дружно провозгласятъ объ этомъ въ кругу своихъ читателей; пусть каждое откроетъ подписку при редакціи, а къ концу года можно будетъ видѣть, оправдается ли мое предположеніе. Мы видимъ, и, разумѣется, съ искреннею благодарностью, какое сочувствіе возбудилъ литературный фондъ, въ который, кромѣ нашихъ трудовыхъ процентовъ и пожертвованій образованнаго сословія, стекаются приношенія людей, едва сознающихъ — что такое нуждающійся литераторъ. Давно ли еще литераторъ пользовался незавидной извѣстностью, почти считался вреднымъ человѣкомъ, благодаря закоренѣлымъ рутинерамъ и людямъ, которымъ вреденъ свѣтъ просвѣщенія и даже грамотности, а постепенно возрастающій фондъ доказываетъ, что времена сильно измѣнились и что общество готово помогать и нуждающемуся литератору, который, не имѣя ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго состоянія, дѣлаетъ свое дѣло, борясь на каждомъ шагу съ разнообразными препятствіями. Повѣрьте, то же было бы и съ народнымъ музеемъ. Мысль эта безъ сомнѣнія приходитъ на умъ не мнѣ одному, но какъ я не видѣлъ ея еще въ печати, то и рѣшаюсь высказать во всеуслышаніе. Желаніе это волновало меня постоянно во время скитаній по захолустьямъ Бессарабіи и вообще по днѣстровскимъ и днѣпровскимъ побережьямъ. Общество, основанное на подписную сумму, было бы, конечно, частное общество, гдѣ засѣдали бы спеціалисты, но безъ чиновничьяго элемента, безъ всякихъ формальностей, которыя у насъ проникаютъ всюду, словно неизбѣжная принадлежность самаго простаго учрежденія. Пусть члены и секретари не произносятъ пышныхъ рѣчей въ духѣ взаимнаго хваленія, пусть не читаютъ длинныхъ и краснорѣчивыхъ отчетовъ, а дѣлаютъ дѣло и двигаютъ впередъ науку, которая идетъ медленнымъ шагомъ не изъ отсутствія любви къ ней или за недостаткомъ просвѣщенныхъ дѣятелей, а потому, что нѣтъ денегъ на ученія розысканія.

И какъ же нѣтъ денегъ? Неужели мы такіе бѣдные? Неужели изъ милліона образованныхъ людей въ Россіи десятый не пожертвуетъ рубля на учрежденіе археологическаго народнаго музея, который, кромѣ того, что представлялъ бы собраніе драгоценныхъ рѣдкостей, давалъ бы возможность частнымъ труженикамъ получать приличное вознагражденіе. Вѣдь если бы десятый изъ милліона пожертвовалъ по рублю, разомъ составился бы капиталъ въ сто тысячъ! Собираются же, напримѣръ, праздновать чей нибудь юбилей, — несутъ вѣдь охотно деньги въ общую складчину: а можно ли думать, что непременно всѣ имѣютъ въ виду только вкусно поѣсть или послушаться рѣчей, извѣстныхъ заранѣе, выражающихъ обыкновенно официальные чувства и т. п. Большинство не знаетъ даже близко въ юбилярѣ ни человѣка, ни общественнаго дѣятеля, а подписывается »компанства ради«, жертвуя иногда суммой не по состоянію. Но теперь болѣе нежели когда нибудь сочувствіе ко всему родному; нѣтъ никакого сомнѣнія, что скоро развитіе нашего общества установится правильнымъ образомъ во всѣхъ слояхъ безъ различія кастъ и наука станетъ на ту степень, на какой находится она въ передовыхъ западныхъ государствахъ. Слѣдовательно мысль моя объ учрежденіи народнаго музея не можетъ назваться утопіей.

Перебійковцы—очень длинное большое селеніе, принадлежащее тремъ владѣльцамъ. Есть народъ довольно зажиточный, о чемъ можно судить по крестьянскимъ постройкамъ, разбросаннымъ въ безпорядкѣ между красивыми садами. Довольно рыбаковъ, которые выѣзжаютъ на Днѣстръ въ своихъ неуклюжихъ лодочкахъ наподобіе корыта, но уловъ самый ничтожный, такъ что иногда рыбакъ не привезетъ добычи и на ужинъ. Съ австрійской стороны тоже выѣзжаютъ руснаки на промыселъ, и какъ здѣсь Днѣстръ не болѣе тридцати сажень ширины, то пограничные сосѣди непрерывно сталкиваются и ведутъ дружелюбные разговоры. Лѣтнимъ вечеромъ берегъ оживляется необыкновенно: народонаселеніе выходитъ купаться, челноки снуютъ по всѣмъ направленіямъ, кордонные слѣдятъ, за этими движеніями, наблюдая за руснаками, а на скалахъ по обѣимъ сторонамъ раздаются мелодическія заунывные пѣсни.

Я никогда не соблазнялся подсматривать купальщицъ, хотя мое присутствіе на берегу никто не счелъ бы неприличнымъ, и потому мѣсто для вечернихъ прогулокъ выбиралъ выше или ниже селенія, гдѣ кстати и рыбаковъ больше, и чаще свиданія пограничныхъ жителей двухъ имперій. Однажды,

при закатѣ августовскаго солнца, отправился я внизъ по Днѣстру и, закуривъ сигару, присѣлъ на берегу въ томъ счастливомъ расположеніи духа, когда человѣкъ здоровъ, особенно не нуждается, имѣть въ виду любимое занятіе и полную безграничную свободу. Передо мною, облитый косвенными лучами, отчетисто обрисовался нагорный галиційскій берегъ, у ската котораго руснаки поили стада. Рыбаки разбѣзжали въ челнокахъ, переговариваясь между собою. Вправо отъ меня торчали камни, за которыми я разслушалъ сильный пискъ и звонкій хохотъ, изобличавшій молоденькихъ женщинъ. Въ то же время увидѣлъ я кучу цвѣтнаго платья поодаль, и не надо было имѣть бинокля, чтобы разсмотрѣть не крестьянскую одежду. Первымъ движеніемъ моимъ было взглянуть пристальнѣе на рѣку, но, упрекнувъ себя за это невольное стремленіе, я собирался уйти подальше... Не успѣлъ я ступить шага, какъ изъ-за камней показалась русая головка, длинные волосы которой служили вродѣ покрывала, и вслѣдъ—роскошный бѣлый торсъ представился глазамъ моимъ. Раздался громкій крикъ, наяда исчезла, но скоро послышался тоненькій голосокъ:

— Уйдите, Бога ради, уйдите! мы не можемъ при васъ одѣваться.

Разумѣется, я исполнилъ законное требованіе и отошелъ на такое разстояніе, съ котораго уже было невозможно никого привести въ краску, хотя и видѣлъ, какъ три фигуры стремительно бросились изъ воды и начали быстро разбирать свою одежду. Но замѣнь, можетъ быть, очень пріятной картины—видѣть хорошенькіе бюсты при свѣтѣ заката—судьба послала мнѣ не менѣе интересную сцену изъ порубежныхъ нравовъ. Не ограничиваясь пунктомъ, съ котораго взоръ мой не могъ утратить купальщицъ, я побрелъ вдоль по берегу, рассчитывая свою прогулку до большаго лѣса. Меня обогналъ молодой руснакъ съ шерстяной дорожной торбой черезъ плечо и поздоровался. Болѣзненный видъ его и нѣсколько глуповатая фізіономія не представляли особаго интереса, но по привычкѣ пользоваться каждой встрѣчей для своихъ наблюденій я завелъ разговоръ съ этимъ попутчикомъ. Отвѣты его были весьма односложны, вопросовъ онъ мнѣ не предлагалъ и, по видимому, желалъ бы избавиться отъ моего товарищества, но не зналъ, какъ это сдѣлать. На встрѣчу намъ показался конный стражникъ. Случайно я взглянулъ на руснака и замѣтилъ большую перемену въ его фізіономіи: глуповатое, какъ

мнѣ казалось прежде, выраженіе исчезло, и какое-то лукавство отразилось въ его взорахъ. Опередивъ меня, онъ смѣло пошелъ на встрѣчу всаднику, вынулъ изъ кармана трубку и попросилъ огня у объѣздчика. Тотъ остановилъ лошадь, выскѣкъ огня и подаль кусочекъ зажженаго трута, — услуга, въ которой никто не отказываетъ въ дорогѣ. Посмотрѣвъ зорко на меня, таможенный отправился своей дорогой, а руснакъ давно уже былъ впереди и шелъ такими шагами, что догнать его не представлялось никакой возможности. Скоро онъ пропалъ у меня изъ вида за ближайшими деревьями. Тотчасъ же мнѣ пришло на мысль — не контрабандистъ ли это, и какъ подобное явленіе не рѣдкость на описываемой мѣстности, то я и продолжалъ спокойно свою прогулку.

Сумерки начинали спускаться, когда я достигъ лѣса и присѣлъ на большой камень отдохнуть въ ожиданіи мѣсяца, который долженъ былъ озарить окрестность. Между высокихъ горъ Днѣстръ лежалъ черною полосой, волны его тихо журчали, всплескивая у береговъ, а по лѣсу шелъ тотъ невыразимый гулъ, который переливается по вѣтвямъ въ самое безвѣтріе и какъ-то странно, тоскливо, но вмѣстѣ мягко и ласкательно дѣйствуетъ на душу. По временамъ изъ Перебійковецъ и изъ-за границы доносились ко мнѣ звонкіе голоса, иногда недалеко раздавалось энергическое восклицаніе рыбака; но дневная людская забота смолкала постепенно и наконецъ уступила мѣсто тиши, какъ бы спустившейся разомъ съ сумерками. Какія думы роились у меня въ головѣ — неинтересно знать читателю, но я скажу только, что просидѣлъ около часа на камнѣ съ сигарой, прислонясь къ толстому дереву.

Конскій топотъ вывелъ меня изъ задумчивости. Изъ села приближался объѣздчикъ. Мѣсяцъ стоялъ уже надъ горою, и тихій свѣтъ его, падая сквозь вѣтви, расписывалъ прихотливыми сѣтками гладкую дорогу, которая ровною полосой врѣзывалась въ глубину лѣса. Кордонный зорко смотрѣлъ во всѣ стороны, привставъ на стременахъ, но не замѣтилъ меня, хоть я и сидѣлъ тутъ же, въ тѣни орѣшника. Когда онъ скрылся и затихъ звукъ отъ копытъ его лошади, мимо меня черезъ дорогу перебѣжала какая-то фигура прямо къ Днѣстру и остановилась. Немного стоило труда узнать руснака, физиономія котораго показалась мнѣ такою глуповатою. Возлѣ меня три раза прокричалъ филинъ. Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ на томъ берегу, освѣщенномъ луною, мелькнуло что-то бѣлое

и раздался плескъ, будто кто бросился въ воду. Руснакъ при-
сѣлъ на корточки. Я началъ всматриваться пристальнѣе.
Внизъ по теченію и наискось Днѣстра плыло что-то круглое,
и, когда приблизилось къ половинѣ рѣки, я увидѣлъ при
свѣтѣ мѣсяца человѣческую голову. Голова эта подплыла къ
руснаку на близкое разстояніе.

— Ты здѣсь? раздался шопотъ изъ воды.

— Здѣсь.

— Накладывай трубку.

— Ого! давно готова. А водка?

— Вотъ возьми, откупорь поскорѣе бутылку. Я что-то
озябъ, выпьемъ, да и потолкуемъ о дѣлѣ. Мнѣ, признаться,
некогда.

— Ну, подавай!

Галиціецъ подползъ къ берегу. Онъ былъ въ сорочкѣ и
полотняныхъ штанахъ, и ужъ, конечно, къ нему можно было
примѣнить фразу »хоть выжми«. Съ длинныхъ волосъ его
текла вода струями. Пріятели поочередно прикладывались къ
бутылкѣ, потомъ галиціецъ овладѣлъ трубкой и по временамъ
покрывалъ отъ холода.

— Ну, что мои волы? спросилъ руснакъ, растягиваясь по
берегу.

— А что мои волы? Были въ Мельницѣ *), а теперь
угнаны подъ Залещики, а, можетъ, и подъ самый Львовъ.

— Какъ же быть? Значить, и думать нечего?

— А нечего! отвѣтилъ пріятель, шевеля плечами отъ
холода.

— Я пропалъ безъ воловъ, пропало хозяйство. Вотъ что.

— Стало быть, пропало. А ты, какъ я вижу, дурень.

— Какъ?

— Да такъ.

— Что не уберегся?

— Уберечься трудно, а потому, что Лейбѣ далъ три кар-
бованца.

— И тебѣ пару.

— Ну, хоть бы и мнѣ пару. Лучше бы мнѣ получить
всѣ пять; я тебя научилъ бы.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— А что-жъ?

— Ну, братъ, теперь нѣтъ у меня денегъ.

*) Ближайшее мѣстечко въ Галиціи.

— А обѣщаешь?

— Изволь.

— Мы старые пріятели, такъ и быть, услужу. Ты знаешь, я овдовѣлъ. Хотѣлось жениться на сосѣдкѣ Настѣ...

— А! Это высокая, чернобровая.

— Ну да. Дѣвка — того, и не прочь, да подвернулся проклятый Матвѣй.

— Богачъ?

— Богачъ, сукинъ сынъ, и сманилъ дѣвку. Вотъ я и разсердился на него, да такъ, что прибилъ бы, еслибъ сила, но онъ однимъ ударомъ сшибетъ меня съ ногъ. Ну, думаю, а все же надо удружить ему за Настю.

— Да какъ же это? Мои волы...

— Гдѣ у чорта — твои волы въ Залещикахъ или во Львовѣ! Нѣтъ, а у этого бестіи, Матвѣя, двѣ пары, такъ можно будетъ одну достать для тебя.

— Ой ли?

— Почему же не помочь пріятелю.

Руснакъ вздохнулъ.

— Плохо дѣло, сказалъ онъ: — теперь, видишь, какія лунныя ночи.

— Будутъ и не лунныя, да кто знаетъ, можетъ быть, завтра же небо покроется тучами.

— И ты думаешь...

— Ничего не думаю, а три дѣла разомъ сдѣлаю: отомщу недругу, услужу пріятелю и напьюсь, и ужъ напьюсь мертвецки.

— Гмъ! А какъ поймаютъ?

— Вотъ и видно, что дурень. А будетъ пять карбованцевъ?

— Будетъ.

— Побожись.

— Ей Богу, чтобъ мнѣ не встать съ этого мѣста.

— И табаку дашь?

— И табаку дамъ.

— Хорошо. Теперь прощай. Жди темной ночи. Помни, чѣмъ темнѣе и бурнѣе — тѣмъ лучше, такъ и приходи! Услышишь крикъ филина, всегда три раза, отвѣчай тѣмъ же, значить.

— Какъ бы *тотъ* не подмѣтилъ!

— *Тотъ* не штука — сунешь карбованцевъ пару и шабашъ, а вотъ какъ мнѣ Матвѣй бока наколотить... ну, прощай!

— Съ Богомъ!

Возвративъ трубку и взявъ свою бутылку, галиціецъ отправился прежнимъ способомъ и поплылъ снова внизъ по теченію наискось съ цѣлью выйти на берегъ гораздо ниже. Пріятель его постоялъ, оглянувшись, вышелъ на дорогу и, замѣтивъ мѣсто, полѣзъ по крутой горѣ въ ужаснѣйшую тущобу.

Когда удовлетворилось во мнѣ чувство этнографа, заговорило чувство человѣка. Съ негодованіемъ всталъ я съ камня и пошелъ домой. Возлѣ меня затѣвалось чистѣйшее воровство: угрожали украсть пару воловъ у какого-то Матвѣя — нельзя ли предупредить его объ этомъ? Но гдѣ живетъ онъ, какъ передать? Эти мысли однако же не долго волновали меня и уступили мѣсто болѣе практическимъ соображеніямъ. Здѣсь не было на первомъ планѣ: »какое мнѣ дѣло«, но я подумалъ, что всѣ граничары смотрятъ на подобный образъ дѣйствій, какъ на законный, и если руснакъ не украдетъ у своего или сосѣдняго селянина даже на копѣйку, то не сочтетъ преступленіемъ овладѣть собственностью австрійца, если представится какая нибудь возможность. Кто знаетъ, можетъ быть, самъ Матвѣй, которому угрожала потеря пары воловъ, пріобрѣлъ себѣ состояніе точно такимъ же образомъ! Крестьянинъ, отыскивавшій своихъ воловъ, былъ на столько честенъ, что платилъ деньги, стараясь узнать, куда ихъ угнали, и хотѣлъ дѣйствовать легальнымъ путемъ. Его соблазнилъ галиційскій пріятель.

Погруженный въ эти мысли, я столкнулся съ кардоннымъ объѣздчикомъ.

— Стой! кто идетъ?

— Свои.

— Да кто свои? зачѣмъ? откуда?

— Я здѣсь по открытому листу генераль-губернатора.

— А, это вы прибыли изъ Ануть?

— Да.

— Извините, в. в — іе, знаете, здѣсь граница... нельзя.

— Ничего, ничего, исполняй свою обязанность.

— У насъ все благополучно, в. в — іе.

— Мнѣ вѣдь нѣтъ никакого дѣла ни до васъ, ни до вашей службы.

— Слушаю-съ. Теперь лунныя ночи, все спокойно.

— Скажи мнѣ, любезный другъ, я слышалъ, что по границѣ крадутъ скотъ и лошадей; какъ это они ухитряются перегонять черезъ Днѣстръ?

— А чортъ за ними усмотритъ, в. в — іе. Эти руснаки, даромъ что кажутся глупыми, а хитрѣе самого дьявола. Прежде бывало у насъ много дѣловъ съ ихъ волами и лошадьми, безпрестанныя жалобы, а теперь никто ужъ не жалуется.

— Какъ же?

— Да такъ, сами расправляются: они украдутъ у нашего пару воловъ, онъ утащитъ за границей двѣ; если наши угонять изъ-за границы лошадь, австрійцы подтибруютъ двѣ или три. Такой ужъ народъ! Прежде, по крайней мѣрѣ, пограничныя села жили честно между собою, а теперь не смотрятъ никому въ зубы. Нечего сказать — сторонка! Счастливо оставаться, в. в — іе, все-таки надо осмотрѣть дорогу.

Лунный свѣтъ былъ такъ яркъ, что мнѣ ясно видѣлись всѣ подробности отдаленной деревни. По обоимъ берегамъ Днѣстра спокойно. На галиційской сторонѣ, на скалѣ, сидѣла какая-то бѣлая фигура и бросала въ пространство заунывные звуки руснацкой пѣсни, которые, перелетая на нашу сторону, терялись въ глубокомъ ущельѣ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ въ Галиціи прозвонили колокола. Несмотря на вторую половину августа, теплынь стояла такая, что въ легкомъ пальто мнѣ сдѣлалось жарко. Ночь дѣлалась поэтичнѣе, и просто не хотѣлось идти домой, хотя предстояло довольно работы. Будь пріятный собесѣдникъ, кажется, просидѣлъ бы на скалѣ, гдѣнибудь, до разсвѣта, и, чѣмъ ближе къ селенію, тѣмъ шель я медленнѣе, стараясь продлить удовольствіе. Вдругъ до слуха моего долетѣлъ плачь... онъ былъ близко. Какой-то грустный речитативъ раздавался направо. Приближаюсь къ Днѣстру. На берегу сидѣла женщина. При моемъ появленіи она встала и выпрямилась. Я увидѣлъ молоденькую дѣвушку, которая утирала глаза вышитымъ рукавомъ рубашки.

— О чемъ плачешь, милая?

— Такая бѣда, что и рассказать трудно.

— Въ чемъ же дѣло?

— Гуси наши ушли подъ тотъ берегъ.

— Я думаю, это часто случается.

— Нѣтъ, на ночь они плывутъ домой... а теперь ихъ украдутъ непременно... Ой, Боже мой!

— Какъ же пособить горю?

— Надобно идти за ними черезъ рѣчку, а ночная пора, страшно.

Наконецъ мы условились. Дѣвушка дала адресъ своей хаты, я обѣщаль уведомить ея домашнихъ о самовольствѣ

гусей, что успокоило немного русначку. Приключеніе меня заинтересовало. Указанная хата стояла гораздо ближе моей квартиры, и я поспѣшилъ исполнить свое обѣщаніе. Черезъ четверть часа я подходилъ къ цѣли. Дверь на улицу была растворена. Въ сѣняхъ семья собиралась ужинать. Я поздоровался и въ короткихъ словахъ передалъ порученіе. Тотчасъ же откомандировали парня, а хозяйка дома предложила мнѣ мамалыги. Отказываться было не въ моихъ правилахъ, напротивъ я искалъ всевозможныхъ приглашеній и тотчасъ же попросилъ сходить привести око горѣлки. Ужинъ оживился. Хозяинъ, повидимому, любилъ выпить и послѣ двухъ-трехъ чарокъ отозвался о своей дочери какъ о плаксѣ.

— Эка важность! проговорилъ онъ, заѣдая огурцомъ мамалыгу:—что десятокъ гусей ушелъ на ту сторону. Мы розыщемъ. Развѣ первый разъ, что ли!

— А кордонные?

— Атъ!

И онъ махнулъ рукою. Я поймалъ однако же взоръ хозяйки, которая словно показывала мужу, что де сидитъ посторонній.

— Это человѣкъ хорошій, отозвался громко хозяинъ:—я видѣлъ его въ Анутахъ. Онъ не простой, даже издалека, а съ нашимъ братомъ, какъ свой.

Меня утѣшило такое лестное мнѣніе.

— Гдѣ же ты меня видѣлъ?

— А помните, какъ староста потерялъ вашу бумагу и ее искали въ шинкѣ, — я тогда пьяный спалъ и проснулся на похмѣльи. Меня хотѣли обыскивать, такъ вы сказали: »зачѣмъ тревожить добраго человѣка...«

— Очень радъ встрѣтиться. Я точно люблю простой народъ и желаю ему добра. Только зачѣмъ вы пьете такъ, чтобы валяться по шинкамъ?

— Эхъ, много говорить, да нечего слушать! такая уже у насъ натура: наши отцы и дѣды пили.

— Я не говорю, чтобы не пить совсѣмъ, а зачѣмъ напиваться?

— Да вѣдь пьешь не съ тѣмъ, чтобы напиться, а, чортъ знаетъ, какъ само сдѣлается. Ну, отъ нашей-то горѣлки свалишься не скоро, а вотъ изъ-за Днѣстра,—у! какая жгучая.

— За эту жгучую можно иногда и поплатиться...

— Ну, это рѣдко случается. Всѣмъ извѣстно, что добрые люди промышляютъ. Вѣдь вы живете сами по нашимъ се-

ламъ, вамъ нечего рассказывать, сами знаете. Пусть дорогіе товары, пусть чай и все прочее, этого нельзя, говорилъ руснакъ, плутовки улыбаясь: — а горѣлки! кто его вытерпитъ? Я говорю это такъ, я самъ пью всегда изъ своего шивка, а другіе...

— Конечно, подхватилъ я: — что за охота изъ-за ока горѣлки лѣзть въ петлю!

Руснакъ засмѣялся.

— О, да вы тоже не промахъ!

— Я тебя не понимаю...

— Мы знаемъ, что вы пріѣхали къ намъ не по контрабандѣ; вы спрашиваете, какъ живетъ народъ, описываете наши пѣсни, сказки, ходите по свадьбамъ. Вы, можетъ, и большой человѣкъ, да по другому дѣлу. Хозяева хвалятъ, за все платите деньги... Однако вы подмѣчаете...

— Кто же тебѣ сказывалъ?

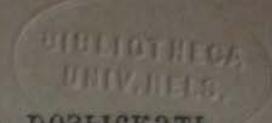
— Хе, хе, мы все знаемъ. Это граница. Жидки было трухнули, да пришла вѣсть изъ Хотина, что бояться, молъ, нечего.

Я окончательно развеселился, потому что чрезвычайно трудно успѣть въ моемъ дѣлѣ тамъ, гдѣ принимали меня за какое нибудь начальство. Мнѣ нужна была жизнь простолудина нараспашку, а въ иныхъ мѣстахъ деревни, гдѣ случилось мнѣ проживать, были для меня недоступны именно оттого, что видѣли какую-то таинственную цѣль въ моемъ порученіи. Граничары яснѣе поняли мое назначеніе. Постоянный отказъ мой пользоваться даромъ съѣстными припасами и маленькіе подарки молодежи и дѣтямъ поставили меня въ мнѣніи простонародья довольно высоко, такъ что присутствіе мое въ деревнѣ не всегда имѣло вліяніе на обыденную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Сперва сельскія власти являлись ко мнѣ, но я разъ и навсегда подтвердилъ, что не имѣю никакого права вмѣшиваться во что бы то ни было, и довелъ ихъ до того, что они даже отправлялись на полевые работы, рискуя попасться начальству, еслибы оно наѣхало неожиданно.

Пользуясь разговорчивостью гостепріимнаго руснака и эффектомъ горѣлки, я передалъ ему разговоръ, подслушанный въ лѣсу, о пропажѣ воловъ, умолчавъ объ умыслѣ пріятелей овладѣть собственностью какого-то Матвѣя.

— А! знаю. Да, жаль, парень хорошій, только онъ не отыщетъ воловъ.

— Почему же?

— Потому что они уже далеко, а какъ ихъ розыскать въ Галиціи: вѣдь она большая. Еслибы у него были еще хорошіе пріятели, а то вѣдь онъ не бережливый, а живетъ за дѣсомъ. Мнѣ говорили о его волахъ.

— Какъ же быть бѣдному?

— Если не дуракъ — найдетъ средство пособить горю.

— Напримѣръ?

— Просто украдетъ пару воловъ на той сторонѣ...

— Развѣ это легко?

— Атъ! плевое дѣло.

— А начнутъ разыскивать?

— Чорта разыщутъ. Развѣ далеко Прутъ? А за Прутомъ...

— Но какъ же украсть?

Руснакъ уставилъ на меня глаза...

— Подобраться въ темную ночь.

— Не то, а развѣ честно взять чужое?

— А они зачѣмъ берутъ наше?

— Но почему же ты знаешь, что попадешь на того, кто укралъ твое?

— Всѣ однимъ муромъ мазаны. Такъ у насъ водится.

— Не хорошо.

— Оно, пожалуй, что нехорошо, да что виновать бѣд- някъ, у котораго все имѣніе — пара воловъ. Надо платить подати, ѣсть, пить, одѣться, кормить семью, а безъ воловъ — что безъ рукъ. Потеряй волю богачъ, и тому жалко, а бѣд- няку все равно, что душу вынуть.

— Можно жаловаться.

— Ну, такъ вы же ничего не знаете — вотъ что! Жало- ваться! Да, пока выхлопочешь позволеніе, сколько надо вре- мени; потомъ пойдешь на ту сторону искать вѣтра въ полѣ, а тамъ еще надуютъ. Всякъ охотно согласится помогать — лишь бы деньги, будетъ водить тебя, хоть и самъ знаетъ, что не слыхалъ о твоей пропажѣ.

Въ это время возвратились паренъ и дѣвушка съ гусями, которыхъ удалось залучить съ того берега.

Хозяинъ засмѣялся.

— Да прахъ ихъ побери, еслибы и пропали; я угналъ бы зато два десятка австріяцкихъ — и въ Хотинъ на ярмарку.

— Какъ же ваши кордонные?

— Атъ? станеть онъ замѣчать такую дрянъ! имъ и безъ нашихъ гусей дѣла много.

Я еще долго просидѣлъ у руснаковъ, и, когда возвратился

домой, у меня во дворѣ все уже спало. Все было хорошо въ моей квартирѣ, и просторная свѣтлая хата, и множество цвѣтовъ за образами, и вышитыя полотенца, и коврики, и подушки, но столъ такой нелѣпый, т. е. до того перекосившійся, что писать рѣшительно невозможно. Какъ нарочно почувствовалъ я особенное желаніе набросать на бумагу разныя замѣтки. На припечкѣ кипѣлъ самоваръ; большой котъ, прищуря плутоватыя глаза, громко мурлыкалъ на лавкѣ; сверчки тянули свою однообразную пѣсню; полный мѣсяцъ смотрѣлся въ окна. Я зналъ, что хозяинъ мой человекъ болѣзненный и плохо спалъ, слѣдовательно оставалось обратиться къ нему съ просьбою устроить какъ нибудь письменный столъ. Два пустыхъ улья, небольшая доска и боченокъ на мѣсто стула были уставлены среди хаты, и я поработалъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ не занимался иногда и въ петербургской квартирѣ.

Въ Перебійковцахъ три помѣщичьихъ дома. Для своихъ посѣщеній я выбралъ владѣльца побѣднѣе — одного посесора, поляка, который много лѣтъ тоже занимался хозяйствомъ въ Бессарабіи, хоть и не такъ давно на этой мѣстности. Иногда по вечерамъ я заходилъ къ старику потолковать. У него молоденькія дочки, которыя однако же рѣдко появлялись въ кабинетъ, наполняя сосѣднюю комнату звонкимъ смѣхомъ, въ которомъ слышалось мнѣ нѣчто знакомое, напоминавшее одну изъ моихъ прогулокъ по берегу. Кажется, эти барышни подозрѣвали меня въ умыслѣ — полюбоваться на нихъ во время купанья. Впрочемъ, меня принимали очень хорошо, да я же рѣдко и бывалъ, имѣя пропасть работы. Мнѣ хотѣлось только ближе вникнуть въ хозяйство, въ способы села, въ приемы землевладѣльцевъ. Въ перебійковскихъ дачахъ очень много лѣсовъ, но они, какъ я сказалъ выше, истребляются, преимущественно молодыми братьями-помѣщиками, раздѣлившими имѣніе и спѣшащими капитализировать лѣса свои. Евреи дѣятельно занимаются вырубкой, и, можетъ быть, въ настоящее время все это побережье Днѣстра усыяно одними срубленными пнями, и на мѣстахъ, гдѣ шумѣли вѣковые буки и яворы, торчатъ молоденькія деревца да валяются груды щепокъ. Какъ и почему происходитъ подобное опустошеніе лѣсовъ — изъяснить можно только однимъ отсутствіемъ всякаго понятія о раціональномъ хозяйствѣ. Что въ сѣверной Бессарабіи, особенно въ описываемомъ уголкѣ, лѣса много, что онъ ни почемъ — извѣстно всѣмъ и каждому; но не тайна

и то, что если допустить евреевъ рубить безъ толку лѣсъ, какъ они рубятъ, портить молодыя поросли тасканьемъ ко-лодь къ берегу, то нужны десятки лѣтъ для того, чтобы сно-ва лѣсъ могъ принести доходъ имѣнію. Не желая возвра-щаться къ этому предмету при описаніи бессарабскаго берега Днѣстра, я долженъ сказать, что въ двухъ мѣстахъ только на всемъ протяженіи рѣки видѣлъ я лѣсъ въ порядкѣ; это въ деревнѣ Ломачинцахъ, Хотинскаго уѣзда, у помѣщика Кру-пенскаго, и въ Аккерманскомъ округѣ, гдѣ до 1859 года за-нимался этимъ лѣсничій Арсеньевъ, который, къ сожалѣнію, рано умеръ, не доживя до исполненія задушевныхъ своихъ плановъ. Можетъ быть, и есть гдѣ нибудь подобные лѣсни-чіе — не знаю, но покойный Арсеньевъ такъ энергически ра-боталъ, такъ искренно любилъ и берегъ свой участокъ, что рѣдкій лѣсовладѣлецъ и на другихъ мѣстностяхъ заботится подобнымъ образомъ о собственномъ лѣсѣ. Въ Бессарабіи словно не сознаютъ важности этого драгоцѣннаго дара и смотрятъ на дерево иной разъ, какъ на помѣху, даже скор-бятъ, что земля погибаетъ бесполезно. Я говорю о лѣсахъ надъ судоходною рѣкою, а что дѣлается въ глубинѣ края — предоставляю объ этомъ судить самому читателю. Правда, надъ Днѣстромъ лѣса истреблены почти до самой Буковины, гдѣ тоже врядъ ли уже сохранились строевыя деревья; но надо знать, за какую ничтожную цѣну владѣльцы посбыли свои рощи. Не станемъ брать въ расчетъ цѣны одесскихъ, которыя могутъ показаться баснословными, доходя до 50 руб. за сажень, но посмотримъ, почему продаются днѣстровскія дрова въ Маякахъ — селеніе близъ лимана, дальше котораго не идутъ уже ни плоты, ни галеры — и ограничимся цифрою 17 и 18 руб. Евреи покупали у владѣльцевъ менѣе двухъ руб-лей. Если спекулянтъ употребилъ на вырубку и доставку 8, что трудно предположить, то все же онъ пользовался око-ло 100% чистаго барыша. Я положилъ огромную цифру на срубъ и сплавъ, доставляемую самими евреями. Можно почти быть увѣрену, что расходы эти значительно меньше. Вы удивитесь, пожалуй, мнѣ не повѣрите, но фактъ существуетъ или, по крайней мѣрѣ, существовалъ такъ недавно, что узнать о немъ на мѣстѣ не предстоитъ никакихъ затрудне-ній. Отчего же это такъ? спросите вы, отчего же такой без-расчетный образъ дѣйствій? Оттого, что сословіе бессараб-скихъ владѣльцевъ по большей части въ высшей степени неразвито, что имѣніями во множествѣ управляютъ спеку-

лянты-поссессоры, что въ краю неизвѣстна даже азбука экономическая, вслѣдствіе чего промышленное еврейское племя овладѣло страной и извлекаетъ изъ нея возможно большіе доходы, не заботясь о растратѣ чужаго фонда. Недавно въ Экономическомъ указателѣ, въ открытыхъ вопросахъ, просили объявить: что значать бессарабскіе проценты? Minimum 15, но это величайшая рѣдкость, maximum до чудовищной цифры. Съ простолюдина еврей беретъ 100, а иногда и больше, смотря по нуждѣ бѣдняка и по собственной ловкости. Если у помѣщика нечего продать, а нужны деньги, онъ предлагаетъ лѣсъ на срубъ, но еврей не тотчасъ соглашается на подобную сдѣлку. Послѣдній представляетъ причины, что трудно сбывать дрова, что онъ боится потерять и проч., а самъ, пожалуй, уговорился уже доставить столько-то сотъ сажень и ждетъ только момента, когда помѣщикъ будетъ нуждаться до зарѣза. Поссессоръ не смѣетъ распоряжаться лѣсами, но тотъ, принимая имѣніе, дѣлаетъ условіе не стѣсняться на этотъ счетъ и, конечно, не стѣняется. Въ средней Бессарабіи истребляютъ на уголь большое количество деревьевъ для снабженія этимъ продуктомъ городовъ, преимущественно же Кишинева и Одессы. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, въ густыхъ заросляхъ идетъ всякое дерево, а въ днѣстровскихъ лѣсахъ, право, жаль смотрѣть, какъ погибаютъ отличныя деревья, сваливаемые безъ всякой системы, безъ всякаго порядка. Между тѣмъ во владѣльческихъ селеніяхъ, изобилующихъ лѣсными дачами, царанинъ не смѣетъ вырубить ни одного прутика, и нерѣдко бѣднякъ, не имѣя денегъ, мерзнетъ съ семьей въ своей *казѣ*, а откормленный еврей пользуется огромными барышами. Я уже писалъ о бессарабскихъ евреяхъ, которые рѣзко отличаются отъ своихъ собратій, живущихъ на разныхъ мѣстностяхъ имперіи. Сколько я знаю это племя на западѣ и югѣ, сколько я присматривался къ его быту, торговлѣ и промышленности, наконецъ къ новой жизни, повѣявшей на сыновъ Израиля, могу сказать, положивъ руку на сердце, что безнравственнѣе, фанатичнѣе, коварнѣе бессарабскаго еврея нельзя себѣ представить, такъ что онъ близко даже подходитъ къ армянамъ, пользовавшимся до сихъ поръ первенствомъ въ плутняхъ на торговомъ и промышленномъ поприщахъ. Въ Бессарабіи нѣтъ селенія, гдѣ еврей не эксплуатировалъ бы народа; нѣтъ ничтожнаго мѣстечка, гдѣ не гнѣздилося бы это племя и не сосало кровь изъ бѣднаго молдавана и руснака... И какъ они чувуютъ виновность свою! Сколь-

ко разъ случалось мнѣ, во время жизни по деревнямъ, имѣть съ ними интересные разговоры. Они тотчасъ видѣли во мнѣ лицо, посланное развѣдать именно объ ихъ плутняхъ. Не успѣешь, бывало, раздѣться и расположиться на квартирѣ, какъ уже съ картузомъ подъ мышкой является іудей и привѣтствуетъ земнымъ поклономъ. Всѣ они, хоть плохо, однако говорятъ по русски. И какихъ не наслушаешься титуловъ! и сіятельство я, и превосходительство, меньше высокородія не помню. Приступъ обыкновенно былъ въ слѣдующемъ родѣ: »охота мнѣ ѣсть Богъ знаетъ что, лучше пойти къ помѣщику или къ посесору, а не то онъ, еврей, за честь поставить угостить меня—такую именитую особу, пошлетъ за хорошей водкой и т. п. И что за глупый народъ молдаване и руснаки, отъ нихъ не добиться толку ни о хозяйствѣ, ни о торговлѣ, все это пьяницы, только перевернутъ, и моему превосходительству грѣхъ убивать время на разговоры съ необразованными царанами«. Разумѣется, я пользовался этими бесѣдами, но не въ той мѣрѣ, какую предполагалъ мой собесѣдникъ. По мѣстечку ходить было нельзя, непремѣнно пристанутъ два—три спутника и такъ напугаютъ народъ, что иной разъ приходилось переѣзжать на другое мѣсто. Дѣйствительно первое время положеніе мое было щекотливо: меня или боялись, или приходили ко мнѣ съ жалобами. И надо было видѣть, какъ лисили предо мной евреи, особенно самые лютые, которые грабили крестьянъ, но, разумѣется, грабили съ ловкими приемами и извѣстными лазейками, такъ чтобы можно было припрятать концы въ случаѣ преслѣдованія.

Послѣ моего выѣзда изъ Бессарабіи тамъ, кажется, затѣвалось устройство банка и еще какого-то общества съ цѣлью дать толчекъ развитію промышленности края, но, по моему, ни что не принесетъ желанныхъ плодовъ, пока не будетъ обращено вниманія на перестройку экономического быта и на образованіе какъ низшаго, такъ и высшаго классовъ. Въ настоящемъ положеніи бессарабскій царанинъ (владѣльческій крестьянинъ) не можетъ стать на ноги или—выразиться прямо — никогда не дойдетъ до удовлетворительной степени своего хозяйства, если исключить небольшое количество *фронташей* (зажиточныхъ), имѣющихся въ иной деревнѣ. Въ первой статьѣ я уже сказалъ — какія причины мѣшаютъ развитію народнаго благосостоянія, связывая всякую промышленность, необходимо захватываемую евреями при нынѣшнемъ

порядкѣ вещей. Царанину нужно биться, какъ рыба объ ледь, для уплаты податей и исполненія своихъ обязанностей къ владѣльцамъ, особенно если у него въ семьѣ немного рабочихъ рукъ, а относительно мироѣдовъ или помѣщика—не найти ему удовлетворенія: земская полиція непременно на сторонѣ владѣльца, и царанину нѣтъ выхода изъ хитросплетенной сѣти злоупотребленій. Конечно, онъ по закону можетъ жаловаться высшей власти; но кто же не знаетъ, съ чѣмъ сопряжена жалоба селянина въ губернскомъ городѣ! Кому неизвѣстно, что мало ли чѣмъ огражденъ крестьянинъ *de jure*, а посмотрите на его существованіе *de facto*.

На этомъ мотивѣ легко мнѣ можно будетъ перейти къ селеніямъ, мной посѣщаемымъ. Въ Перебійковцахъ, сколько я могъ замѣтить, народъ довольно рослый, движенія его довольно ловки, а простоватый наружный видъ скрываетъ значительную долю хитрости. Последнее и быть не можетъ иначе съ пограничными жителями, которые во всѣхъ земляхъ, какъ говорится, »однимъ муромъ мазаны« — и непременно промышляютъ контрабандой. Когда я нѣсколько разъ побывалъ на Днѣстрѣ, выше Хотина, и ко мнѣ попривыкли, легко было бы посвятить себя въ тайны контрабандистовъ, еслибы онѣ представляли что нибудь интересное. Но, какъ я сказалъ выше, по этой границѣ проскакиваютъ лишь самые обыкновенные и незамѣчательные случаи.

Отсюда до Хотина на всей мѣстности пограничные руснаки словно всѣ изъ одной деревни. Между Анутами и Перебійковцами есть разница: жители первыхъ нѣсколько развитѣе и лукавѣе, даже проворнѣе, — потому что нужно дѣлать дѣла за границами буковинской и галиційской да еще посматривать и на своихъ таможенныхъ; перебійковскіе жители—градусомъ ниже и знаютъ уже изъ вторыхъ рукъ то, что дѣлается за Прутомъ. Зато всѣ они имѣютъ страсть къ охотѣ или, лучше сказать, любятъ вести ожесточенную войну противъ дикихъ свиней, разумѣется, не пренебрегая и дикой козой, если подвернется подъ руку. Изъ нихъ есть хорошіе стрѣлки, чему даже трудно повѣрить при взглядѣ на жалкое ружьишко, связанное веревочками и, повидимому, готовое разстаться съ ложей при первомъ выстрѣлѣ. Но, блуждая по лѣсамъ съ кѣмъ нибудь изъ проводниковъ, я убѣдился въ ихъ изумительной мѣткости. Руснакъ бережетъ дробь и порохъ не потому, что ихъ трудно достать, какъ въ губерніяхъ центральныхъ или, лучше сказать, удаленныхъ отъ границы, но

изъ расчета, потому что пріобрѣтаетъ заряды изъ Австріи на чистыя деньги. Бывало, просишь спутника выстрѣлить въ какую нибудь птицу, собственно для узнанія его мѣткости, — онъ вѣчно отговаривается неимѣнемъ *запасу*; но стоитъ обѣщать нѣсколько зарядовъ — и онъ самъ начинаетъ показывать свое искусство. Несмотря на близость границы, ружья здѣсь однако же кремневые и берутъ шаговъ на сорокъ, на пятьдесятъ, не болѣе. Замѣчательно, что сперва руснакъ начнетъ увѣрять васъ, что ружье онъ держитъ собственно для острастки дикихъ свиней и волковъ, но, познакомясь съ вами, не скрываетъ уже любви къ полеванью. У нихъ есть и рассказы о смѣлыхъ охотникахъ, преимущественно преданія изъ временъ давноминувшихъ, а теперь, по ихъ словамъ, и люди не тѣ, да и звѣрь ведетъ себя иначе. Рассказы болѣе фантастическаго свойства, какъ и вообще у крестьянъ: все, что дѣлалось за полвѣка назадъ, принимаетъ уже сверхъестественный колоритъ, а если былъ гдѣ силачъ, то онъ вырывалъ съ корнемъ вѣковые буки, а если контрабандистъ, то разбивалъ сотни таможенныхъ; если охотникъ, то убивалъ добычу за цѣлую милю. Попадается старикъ — очевидный свидѣтель давноминувшаго, можетъ быть, сверстникъ героевъ преданія, — и тотъ, по какому-то особенному настроенію, хоть и не все подтверждаетъ, однако же не прочь намекнуть, что въ старину люди зачастую водили связь съ нечистою силою.

Я любилъ скитаться по лѣсамъ около Рухотина, лежащаго верстахъ въ десяти ниже Перебійковецъ. Деревня эта начинается у Днѣстра и тянется по глубокому ущелью, обставленная живописными скалами, точь въ точь какъ въ предгорьяхъ Кавказа. Здѣсь живутъ государственные крестьяне — единственный примѣръ во всей сѣверной Бессарабіи по Днѣстру, — и разница въ нѣкоторомъ довольствѣ сравнительно съ царанами бросается въ глаза. Хоть управленіе государственныхъ имуществъ и не *ria desideria*, однако земледѣльца не опутываетъ сѣтъ сложныхъ положеній, и онъ все-таки имѣетъ возможность пріобрѣтать и откладывать на черный день.

Еще до пріѣзда въ Рухотинъ въ сторонѣ, именно въ Клишковцахъ, слышалъ я о столѣтнемъ старикѣ и объ окопахъ съ брамами. Первымъ моимъ дѣломъ было заняться розысканіями и преимущественно старикомъ, какъ единственнымъ родомъ лѣтописи въ деревняхъ нашихъ, о которыхъ нигдѣ не сохранилось письменныхъ памятниковъ, тѣмъ болѣе, что столѣтній руснакъ былъ слабъ и ждалъ нетерпѣливо

смерти. Хозяйка вызвалась пособить мнѣ и черезъ четверть часа явилась въ сопровожденіи сгорбленнаго дѣда, который едва передвигалъ ноги, опираясь на костыль, и робко остановился у притолки. Онъ былъ въ рубищѣ. Я тотчасъ замѣтилъ, что старикъ плохо видѣлъ: мутный взоръ его неопредѣленно смотрѣлъ впередъ, даже не въ тотъ уголь, гдѣ дѣдъ предполагалъ мое присутствіе.

— Садитесь, дѣдушка, проговорилъ я ему по руснацки: — напьемся чаю и побалагуримъ.

— Я и постою... передъ начальствомъ.

— Во первыхъ, я не начальникъ вашъ, во вторыхъ, вы мой гость, а, въ третьихъ, еслибъ я былъ и самъ губернаторъ, то все-таки посадилъ бы васъ рядомъ.

Старикъ раскрылъ больше свои померкшіе глаза. Хозяйка явилась на помощь, взяла костыль изъ рукъ старика и подвела его къ лавкѣ.

— Садитесь!

— Можетъ быть, водочки прежде? спросилъ я.

— Спасибо, я уже не пью.

Дѣдъ сидѣлъ противъ окна, и солнце освѣщало эту согбенную, но оригинальную фигуру. Волосы его, не бѣлые, а какіе-то желтоватые, по руснацкому обычаю спускались по плечамъ; выразительное доброе лицо, покрытое морщинами, носило отпечатокъ какого-то давно порѣшеннаго разсчета съ жизнью; но голосъ не дрожалъ, и каждое слово, произнесенное имъ, звучало твердо; отвѣты были удовлетворительны и свидѣтельствовали о здоровомъ умѣ и сохранившейся памяти. Старикъ пилъ чай съ большимъ удовольствіемъ, какъ дитя, наливая чай на блюдечко и кроша туда булку; онъ не могъ не выразить, что это ему очень пріятно. Послѣ чая онъ сдѣлался разговорчивѣе и признался мнѣ откровенно, что пріемъ мой и обращеніе расположили его въ мою пользу, а сначала онъ боялся и долго раздумывалъ — зачѣмъ его требовали.

— Я никуда не гожусь, прибавилъ онъ: — никому ничего не сдѣлалъ; а тутъ зовутъ къ начальству.

— Я уже вамъ сказалъ, дѣдушка, что я не начальство, а просто проѣзжій, хотѣлъ потолковать о старинѣ, угостить...

— Все же вы не нашъ братъ, а пановъ и чиновниковъ я знаю, слава Богу.

И дѣйствительно онъ зналъ много пановъ и чиновниковъ, начиная съ турецкихъ властей, которыхъ очень хорошо помнилъ, до начальства послѣдняго времени; однимъ словомъ,

въ теченіе какихъ нибудь девяноста лѣтъ видѣлъ не одно по-
колѣніе пановъ и чиновниковъ; но, должно быть, несмотря
на такой длинный періодъ, все-таки составилъ о нихъ не
весьма выгодное понятіе, потому что меня побоялся. Нагір-
някъ (имя старика) пришелъ съ того боку ребенкомъ и за-
сталъ по побережью немногочисленные деревни. Впрочемъ, отецъ
его, который жилъ 120 лѣтъ, и дѣдъ — 130, говорили ему, что
по турецкой сторонѣ народъ жилъ иногда большими селами,
а иногда расходился такъ, что значительная часть хатъ *пу-
стовала*. Относительно укрѣпленія Нагірняка рассказывалъ,
что, сколько запомнить, оно было въ томъ же положеніи и
поросшее такими же вѣковыми деревьями, только глубже
были канавы, да посрединѣ виднѣлись слѣды какихъ-то строе-
ній. Когда вѣмецъ воевалъ, то народъ туда прятался. Онъ
говоритъ, что укрѣпленіе строила *домна* (царица), которая
возвела крѣпость и въ Хотинѣ, но имя этой домны позабылъ,
хотя и не разъ слышалъ его отъ отца и прочихъ старыхъ
людей. О туркахъ Нагірнякъ отзывался очень хорошо, вообще,
какъ и по всей райѣ отзывались тѣ, кто ихъ еще помнилъ.
Впрочемъ, я замѣтилъ, что рассказчики эти налегали пре-
имущественно на отсутствіе воровства и на справедливость
во взысканіи податей. Видно турки много переродились съ
тѣхъ поръ, потому что, читая о современномъ состояніи хри-
стіанскихъ областей Оттоманской имперіи, мы видимъ не
только несправедливость, алчность, но и неистовство турец-
кихъ чиновниковъ. Нагірнякъ рассказывалъ, какъ нѣмцы, пе-
рейдя Днѣстръ, гнали турокъ къ Пруту, и въ то время, ко-
гда жители побережья скрывались въ лѣсахъ, гдѣ кто могъ,
онъ, опоздавъ, взлѣзъ на густой букъ и просидѣлъ цѣлыя
сутки. Бесѣды со старикомъ были для меня чрезвычайно
пріятны въ особенности, когда, ознакомясь со мной, онъ уга-
далъ простою душою, что во мнѣ, кромѣ любви къ народу, не
было другаго интереса. Онъ даже рѣшился спросить однажды
о цѣли моихъ поѣздокъ и пѣшаго путешествія по краю. От-
вѣчать было весьма затруднительно, и мнѣ много стоило втол-
ковать ему, что въ моемъ порученіи не было ничего относя-
щагося къ ихъ начальству, что я не имѣлъ права входить въ
какія бы то ни было разбирательства. Тогда старикъ сказалъ,
что, по слухамъ, на той сторонѣ ходилъ подобно мнѣ по краю
какой-то панъ и собиралъ пѣсни и сказки и что народъ до
сихъ поръ воспоминаетъ его. Но кто былъ этотъ панъ, когда
онъ занимался этнографіей — Нагірнякъ не могъ передать,

жалуюсь на слабость памяти. Въ нашу же Буковину заглядывали только мѣстные власти, но чиновникъ земской полиціи, посѣщающій село по обязанности, не такъ приготовленъ, чтобы изучать бытъ простонародья. Для чиновника не существуетъ этнографіи, и отъ этого сословія менѣе, нежели отъ другаго, можно ожидать точныхъ свѣдѣній о краѣ, даже числовыхъ данныхъ. Чиновникъ считаетъ обязанностью держать себя на неприступной высотѣ, и весьма многіе изъ нихъ въ разговорѣ съ простолюдиномъ употребляютъ одни лишь ругательства. Это я видѣлъ не разъ и не два какъ во время прежнихъ моихъ скитаній по Россіи, такъ и въ особенности въ послѣднія пять лѣтъ, проведенныя въ южныхъ провинціяхъ имперіи.

Какъ ни хотѣлось мнѣ взять Нагірняка въ спутники при посѣщеніи древняго укрѣпленія, но предлагать это старику казалось мнѣ непростительно: онъ едва передвигалъ ноги, а везти его въ тряской телѣгѣ по горамъ — было бы жестокимъ и возмутительнымъ эгоизмомъ. Когда я собрался идти въ лѣсъ, бѣднякъ словно почувствовалъ мою деликатность.

— Я пошелъ бы съ вами, сказалъ онъ, описавъ разъ десять дорогу проводнику, который и самъ зналъ ее отлично: — да боюсь, не умереть бы на повозкѣ. Старыя кости болятъ, того и гляди, рассыплются... И для чего Господь держитъ меня на свѣтѣ?... На что я кому нуженъ?... Я всѣмъ въ тягость...

Изъ глазъ столѣтняго старика покатались слезы и, оставаясь въ морщинахъ, сдѣлали на меня такое грустное впечатлѣніе, какого я не помню ни отъ чьихъ слезъ, не разъ видѣнныхъ мной въ жизни... Чего не далъ бы я, лишь бы утѣшить бѣднаго дѣда или, по крайней мѣрѣ, дать другое направленіе мыслямъ, которыя, вѣроятно, частенько шевелили эту утомленную душу.

— Знаете, дѣдушка, сказалъ я, едва удерживаясь самъ отъ слезъ: — вы посидите у меня съ хозяйшккой, приготовьте обѣдъ, а лучше усните здѣсь на лавкѣ.

— Эге! усните! Я никогда не сплю по цѣлымъ суткамъ: въ томъ-то мое и горе. Идите, я посижу лучше на завалинкѣ, на солнышкѣ. Хозяйка меня не прогонитъ.

— Богъ съ вами, дѣдушка! отозвалась хозяйка мягкимъ, полуукоризненнымъ тономъ: — когда же я васъ прогоняла? Что вы?

— Да, ты добрая душа, а есть...

И старикъ снова заплакалъ. Я тронуть былъ до глубины души. Всю дорогу я разспрашивалъ проводника о столѣтнемъ

дѣдѣ. Жизнь его дѣйствительно была печальная: изъ дѣтей осталась одна дочь — старуха почти безъ пристанища, а онъ жилъ у какихъ-то правнуковъ, бѣдныхъ людей, которые едва считали его за родственника. Селяне однако же, надо отдать имъ честь, никогда не тяготились его посѣщеніями, кормили его, не издѣвались надъ беспомощнымъ существомъ, которое иногда впадало въ дѣтство и готово было играть съ ребятишками. Бѣднякъ нуждался въ бѣльѣ, въ одеждѣ и терпѣль зиму, что и весьма понятно: крестьянинъ не откажетъ постороннему въ кускѣ хлѣба, хоть и самъ нуждается, но рѣдкій рѣшится разстаться даже съ лохмотьями, особенно при большомъ семействѣ, гдѣ всякая тряпка можетъ пойти въ дѣло. Самый богачъ не пожертвуетъ деньгами, чтобы одѣть нищаго. Простолудинъ вообще скупъ на деньги, которыя достаются ему и тяжело, и трудно. Разумѣется, многіе могли бы одѣть и пріютить Нагірняка; но, не только въ отдаленномъ захолустьѣ Буковины видимъ мы равнодушіе къ судьбѣ ближняго, и въ столицѣ, среди блеска и роскоши, немало примѣровъ безчувственной холодности къ бѣдствіямъ собрата...

Послѣ получасовой ходьбы, углубясь въ лѣсъ, мы съ проводникомъ подошли къ узкому проходу, который съ обѣихъ сторонъ былъ стѣсненъ какими-то насыпями.

— Это и есть брама, сказалъ онъ.

Валь, по крайней мѣрѣ сажени четыре въ поперечникѣ и сажени три вышины, поросъ густыми и огромными деревьями. По срединѣ большаго четырехугольника лежатъ полосатыя нивы, на которыхъ тамъ и сямъ раскинулись рощицы. Я обошелъ укрѣпленіе вокругъ иногда по гребню вала, иногда по ту сторону, гдѣ мѣстами не засыпались еще глубокія канавы, и не нашелъ ни слѣда кирпича, ни слѣда какихъ бы то ни было строеній. По угламъ незамѣтно бастіоновъ, а во всѣхъ воротахъ, по которымъ проложены дороги, земля, вѣроятно, давно начала обрушиваться, и образовались значительныя промоины. Я копался въ этихъ промоинахъ съ цѣлью найти какое нибудь указаніе, но тоже не видѣлъ ни кирпича, ни камня. Мало того, что на валахъ росли вѣковыя деревья, на западной сторонѣ встрѣчалъ я пни, которые еще древнѣе, и потому укрѣпленія этого невозможно отнести къ Семилѣтней войнѣ, какъ мнѣ говорилъ одинъ изъ знатоковъ края, которые по большей части отличаются тѣмъ, что не знаютъ его и десятой доли, а, пользуясь званіемъ знатоковъ, позволяютъ себѣ

мудрствовать предъ пришельцемъ. Избави Богъ отъ такихъ знатоковъ, которые, если попадаются какому нибудь изслѣдователю, да еще неопытному, или нѣмцу, то приносятъ наукѣ гораздо больше вреда, чѣмъ самое невѣжество. Замѣчательнѣе всего, что объ этомъ укрѣпленіи ни слова не упомянуто въ Одесскомъ календарѣ подъ рубрикой »Древней географіи«, хотя оно завесено въ подробную карту Западнаго края. Мѣстному ученому не слѣдовало бы пропускать никакого предмета, и здѣсь даже не могутъ служить извиненіемъ непроходимыя дороги и трущобы. Кто былъ въ Хотинѣ для осмотра старинной крѣпости, тому непростительно не отправиться за 50 верстъ по границѣ и не обойти уголка между Днѣстромъ и Прутомъ съ цѣлью поискать какихъ нибудь слѣдовъ древности.

Возвратясь на квартиру, я засталъ дѣда на завалинкѣ, который рассказывалъ дѣтямъ про волка и лисичку. Онъ сообщилъ мнѣ еще одно извѣстіе—что турки вывозили на укрѣпленіе когда-то гарматы и часто палили, вѣроятно, для устрашенія непріятели.

Мы сошлись съ дѣдомъ и разстались довольно трогательно. Во время путешествія своего я никогда не имѣлъ лишнихъ денегъ и не могъ устроить Нагірняка, но все-таки предложилъ ему кое-что на прощанье. Старикъ обрадовался и улыбнулся сквозь слезы.

— Ну, спасибо вамъ, теперь куплю себѣ на смерть сорочку, а то думалъ, что и похоронять меня въ *дранкѣ*.

— Зачѣмъ, дѣдушка, думать о смерти: вѣдь не безъ добрыхъ людей — похоронять, а надо заботиться, чтобъ не ходить нагимъ при жизни.

— Э, любый мой паночку, куда уже мнѣ жить? Какъ это Богъ держитъ меня—не знаю, и зачѣмъ Онъ не хочетъ прибрать меня? Гдѣ мои сверстники? Вѣдь это внуки и правнуки тѣхъ людей, съ которыми водилъ я и дружбу, и знакомство. Всѣ поумирали, въ окрестности, даже на той сторонѣ, уже нѣтъ, съ кѣмъ можно бы помянуть молодые годы.

— Извините, что не могу дать больше, но поговорю о васъ въ Хотинѣ.

— Спасибо, спасибо!

— Ну, прощайте! можетъ быть, увидимся.

— Зъ Богомъ! зъ Богомъ! Ні, ми ся непобачимо, не довго мині ся волочити по світові... Потрюхла кітсь... Скоро не бацитиму світа Божого.

И старикъ добылъ изъ кармана тряпку, тщательно развернулъ ее и положилъ мой подарокъ. Всѣхъ денегъ у бѣдняка въ тряпкѣ былъ одинъ почернѣвшій грошикъ. Мы поцѣловались. Я поспѣшно сѣлъ въ повозку и выѣхалъ съ необыкновенно грустнымъ чувствомъ. Нѣсколько разъ я оборачивался, а старикъ безъ шапки, понутивъ голову, все стоялъ у воротъ въ одной позѣ. Въ Хотинѣ я говорилъ о немъ и не знаю, сдѣлано ли что нибудь для бѣдняка, да и живъ ли онъ въ настоящее время.

Изъ Рухотина въ Рашково ведетъ великолѣпная дорога по извилистому берегу Днѣстра, подъ обрывами скалъ, нависшихъ прихотливыми очертаніями. По ту сторону—особенно живописное галиційское мѣстечко, Звониградъ, извѣстное въ исторіи. Красивый домъ стоитъ на горѣ, окруженный тополями, и большой садъ стелется по зеленой возвышенности. За Рашковымъ лежатъ Гордевцы. Но я говорилъ уже о характерѣ мѣстныхъ жителей. Ночью евреи такъ и шныряютъ, а, извѣстно, если въ пограничномъ селеніи, да еще вблизи города, появляются евреи, то, конечно, не для того, чтобы любоваться ночными видами Днѣстра, который здѣсь течетъ между крутыми горами. Подлѣ Гордевцовъ — большой оврагъ. По немъ пролегаетъ дорога въ Хотинъ, и дно его усѣяно водяными мельницами, и тутъ-то, сколько я могъ замѣтить, евреи собираются подъ разными предлогами. Но при описаніи Хотина я буду еще имѣть случай поговорить объ этомъ.